

УДК 821
ББК 83

DOI: 10.31862/1819-463X-2022-1-20-29

ИЗОБРАЖЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ПТИЦ КАК ЭЛЕМЕНТ МИФОПОЭТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Р. Х. Шарьяфетдинов

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению мифологических образов различных видов птиц в контексте мифологии и культуры тюркских народов и их отображению в произведениях современной татарской литературы. В данном контексте птицы представляются неотъемлемой частью животного мира, автором проведен анализ традиции обращения к различным образам (утки, жаворонка, лебедя, чайки, совы, соловья и др.) и выявлена их символика и функции в современной литературе. Результаты исследования представляются важными в перспективе дальнейшего сравнительно-сопоставительного анализа концептуально значимых образов, приобретающих ввиду своей фундаментальности характер мифологем и в целом мифопоэтики татарской литературы на протяжении всей ее истории.*

Ключевые слова: *татарская литература, образ, мифология, мифологема, образ птицы, мифопоэтика, современная татарская проза.*

Для цитирования: Шарьяфетдинов Р. Х. Изображение различных видов птиц как элемент мифопоэтики современной татарской литературы // Наука и школа. 2022. № 1. С. 20–29. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-1-20-29.

THE REPRESENTATION OF VARIOUS BIRD SPECIES AS AN ELEMENT OF THE MYTHOPOETICS OF MODERN TATAR LITERATURE

R. Kh. Sharyafetdinov

Abstract. *The article is devoted to the consideration of mythological images of various bird species in the context of the mythology and culture of the Turkic peoples and their*

© Шарьяфетдинов Р. Х., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

representation in the works of modern Tatar literature. In this context, birds are an integral part of the animal world, the author analyzes the tradition of referring to various images (ducks, larks, swans, gulls, owls, nightingales, etc.) and identifies their symbolism and functions in modern literature. The results of the study are important in the perspective of further comparative analysis of the mythopoetics of Tatar literature throughout its history.

Keywords: *Tatar literature, image, mythology, image of a bird, mythopoetics, modern Tatar prose.*

Cite as: Sharyafetdinov R. Kh. The representation of various bird species as an element of the mythopoetics of modern Tatar literature. *Nauka i shkola*. 2022, No. 1, pp. 20–29. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-1-20-29.

Многие образы животного мира в целом и Птиц в частности – архетипичны, характеризуются многозначностью, символикой, восходят к древним мифам тюркских народов. Неслучайно во многих произведениях они наделены сверхъестественными качествами и существуют вне зависимости от воли и желания человека, но воплощают его думы и взгляды, чем объясняется достаточно частотное и устойчивое обращение к мифологическим образам различных видов птиц в произведениях авторов татарской литературы на всем ее протяжении: *ворона/вороны* (Г. Тукай, Н. Думави, Н. Исанбет); *голубя* (Г. Тукай, Ф. Бурнаш, Н. Исанбет, Ш. Идиатуллин); *соловья* (Г. Баширов, поэт Зульфат, стихотворение Г. Зайнашевой «Соловей-соловушка», стихотворение Б. Рахимовой «Соловей», Р. Валиев, Р. Харис, Л. Зулкарнаев, М. Магдеев); *орла/беркута* (Ф. Бурнаш, Н. Исанбет, в символике долголетия – в романе Р. Мухамадиева «Взлететь бы мне птицей...») [1, с. 140]; *лебедя* (Н. Исанбет, Р. Файзуллин, И. Юзеев, Р. Миннуллин, стихотворение Г. Гильманова «Не лебедь я», рассказ Ф. Яхина «Печаль лебедя»); *журавля* (стихотворение Ф. Яруллина «Растаял в дымке мой аул, мой рай, мой рок», «Ты сказала: «Бежит, спешит дорога в край родной...»); повесть Н. Гиматдиновой «Проклятие белого журавля»);

жаворонка (А. Еники, Р. Валиев); *совы/флины* (Р. Кутуй, Р. Зайдулла); *гуся* (М. Гафури, Танчулпан, И. Юзеев); *чайки* (Ш. Камал, Ф. Байрамова); *утки* (Ф. Садриев, Н. Гиматдинова); *воробья* (К. Каримов); *ласточки* (Ш. Идиатуллин); *кукушки* (А. Еники); *грача*; *сороки*; *петуха* и многих других. Сравнительно-сопоставительное изучение мифологем, образов, архетипов Птиц в национальных тюркоязычных в общем и татарской литературе в частности представляется филологически интересным, перспективным, и, надеемся, будет продолжено в дальнейших исследованиях современных литературоведов.

О значимости образа Птицы в татарской мифологии, отобразившейся в художественной литературе, мы писали в предыдущей статье [2], остановимся на обращениях к некоторым видам птиц в современной татарской литературе.

Необходимо отметить, что каждая птица – неотъемлемая часть народной культуры, нашедшая отражение в народной мифологии и фольклоре. Так, образы многих птиц приобретают *тотемное* значение (к примеру, грач представляется птицей, связанной с приметами тепла, счастья, солнца, весны, урожая («Если грачи прилетят сильно отощавшими, урожай будет хороший») и т. д., приносящей весну («Как прилетит грач – через месяц не будет снега») и тепло

(«Прилетит грач, уйдет снег»). В основе верований о мифологических свойствах Птиц лежит символика медиатора между жизнью и смертью, зимой и весной, днем и ночью (к примеру, «На дороге нет грачей» в значении, что день еще не начался [3, с. 44–46]). Образ Вороны/Ворона, находящий широкое отражение в татарских бытовых сказках («Саран и Юмарт» (пер. Ф. Ситдиковой), «Вор Шамак» (пер. Ф. Урманчеева), «С ремеслом не пропадешь, без ремесла дня не проживешь» (пер. Р. Шагеевой), «Мулла и мужик» (пер. А. Бадюгиной), «Мулла в западне» (пер. А. Бадюгиной), «Хитрый охотник» (пер. А. Бадюгиной), «Ворона-вещунья» (пер. А. Бадюгиной), «Кому на пользу каркала ворона» (пер. Н. Мальшаковой), «Старик и старуха» (пер. А. Бадюгиной), «Недотепа» (пер. А. Бадюгиной), «Три мальчика» (пер. А. Садековой)) [4, с. 31, 134, 251, 384, 388, 394, 402, 421, 449, 462], представлялся в народной культуре образом, связанным со смертью, несчастьем, подземным миром. Мифологизированные верования народа отражены в образах птиц: так, образ орла, к примеру, представляется огромной птицей, связанной с подземным миром и помогающей героям. Птицы наделяются как магическими силами, функциями предвестника будущего людей, так и религиозной символикой (к примеру, голос петуха, птицы, которая будит людей на утренний намаз, считался молитвой, а взмах его крыльев – поклон Господу). В дилогии Ш. Идиатуллина «Убыр» автор неоднократно обращается к образам птиц: стаи голубей, которые «не пускали к себе не сизых: один такой белый-пребелый, а второй гнедой, как конь, но в пятнышках» [5, с. 336] в метафорическом значении человеческого общества, которое отстранялось от людей, попавших под влияние нечистой силы; *ласточки* – «карлыгач» («госпожи ласточки» [5, с. 337]).

В произведении К. Каримова «Счастье на донышке», в котором повест-

ование построено в виде монолога воробья и ведется от лица воробья, образ птицы приобретает значение надежды божьего создания на милость Бога: живущее только надеждой на божественную благодать существо в произведении своеобразно сравнивается с людьми. Автор в данном случае отсылает к мусульманскому высказыванию о том, что «если бы люди жили надеждой на Бога, то Он не оставил бы без пропитания ни одно живое существо, так же как птиц, которые улетают утром из своих гнезд с пустыми желудками, а возвращаются с полными». В рассказе маленькие воробьи, которые «если не потеплеет – околеют», вынуждены жить надеждой, они наблюдают, «Кто что выронит? Улица заполнена пыхтящими машинами – они, как и мы [как люди], тоже что-то ищут» [6, с. 228].

В рассказе М. Гафури «Дикий гусь», повествование которого разворачивается вокруг птицы с раненым крылом и играет важную роль в раскрытии внутреннего мира главного героя, автор обращается к мифологическому образу гуся. С древних времен этот образ приобрел различные символические значения в мировой культуре («близок к Богу хозяйства у древних шумеров, перевозчик душ умерших в подземное царство – в греческой мифологии, света, героизма, нравственных знаний, чистоты души – в Китае» [7]). С образом гуся, стремящегося в далекий путь, птицы, которая «рвется в небеса, грустящей, прощаясь с землей» (пер. В. Баширова) [8, с. 409], крик которой символизирует грусть (стихотворение Танчулпан «Дикие гуси» (пер. В. Хамидуллиной) [9, с. 573]), сравнивает себя И. Юзеев в стихотворении «По сути, я, наверное, дикий гусь».

К изображению птицы как символа связи с прошлым, единения с предками обращается Р. Валиев в стихотворении «В стране Болгар»: поэт называет птиц «духом предков» [10, с. 47]. Ранее

использованный образ, к примеру, в рассказе А. Еники «Красота», где он характеризуется как птица, приносящая своим пением на землю спокойствие и «покой» [8, с. 152], в современной татарской лирике становится проводником между прошлым и настоящим, а лирический герой напрямую связывает себя с другими булгарами.

С мифологизированным образом Утки (у народов Евразии и Северной Америки – птица гагара, у тюркских народов – гусь или утка), изображения которой (как и лебедя, гуся) выступают как символы Неба и Солнца [7], связано сохранившееся после принятия Ислама в культуре, легендах [11, с. 368] и литературе значение мироздания, образования суши. Позже данное значение было изменено: оно «теряет божественность, а превращается во вспомогательную силу, выполняющую повеления Аллаха» [12, с. 47]).

Миф о сотворении мифического времени, появлении земли из яйца утки, плавающей в мировом океане [13, с. 146–154] – один из самых распространенных космологических сюжетов у разных народов [13, с. 146] и представлен, к примеру, в алтайском мифе [13, с. 138], в татарской легенде о возникновении Земли из песка из желудка утки [14, с. 2] или сюжете, где герой должен был отыскать душу злой силы, которая находится в утиных яйцах [11, с. 285].

Представляющийся символом Солнца и стихии Неба, образ Утки – один из самых распространенных образов птиц в татарском фольклоре («На одного хорошего один плохой» (пер. Ф. Ураманчеева), «Алдар и мулла» (пер. А. Бадюгиной), «Хитрый охотник» (пер. А. Бадюгиной), «Кому на пользу каркала ворона» (пер. Н. Мальшаковой), «Недотепа» (пер. А. Бадюгиной), «Три охотника и один рыбак» (пер. А. Садековой), «Рассказ охотника» (пер. С. Гильмутдиновой), «И охотниками были и хлеб растили» (пер. С. Гильмутдино-

вой)) [4, с. 80, 338, 388, 402, 449, 467, 471, 478].

Образ дикой утки в народной песенной лирике часто связан с темой сиротства, несчастной, тяжелой жизни, а связанный с образом Утки мотив Яйца, являющийся в фольклоре символом «богатства и изобилия» [15, с. 54], мог интерпретироваться следующим образом: «желток – значения солнца и неба, белок – воды океана».

В тесной ассоциативной связи с мифом о сотворении мира связана финальная сцена романа Ф. Садриева «Утренний ветер», названного Р. Сибатом «одой матери», в которой смерть главной героини, Нуриасмы, завязывается с выстрелом в утку, имеющей, как известно, в тюркской культуре ассоциацию с мифом о сотворении мира божественной уткой. В произведении звучит мысль о том, что смерть каждого человека – это акт смерти и возрождения всего живого, а героиня «поднимается на пьедестал матери-прародительницы» [16, с. 77]. К образу Утки также обращается в своей повести «Грустить не буду...» Н. Гиматдинова в изображении безвыходного положения человека: «Говорят, что утка, попав в безвыходное положение, нырнула хвостом вперед... Я тоже нырну. В озеро судьбы» [17, с. 65].

Общеизвестно почитание Лебедя практически всеми тюркскими народами, по мнению Н. А. Алексеева, данный образ выступает как тотем у многих народов [18, с. 11–16]. Лебедь представляется в культуре тюркских народов как «чистая, священная птица; первопредок, прародитель, тотем, божество, покровитель, почитаемая птица, связанная с Верхним миром, наделенная женской символикой» [19, с. 50], а мифологические образы пары лебедей часто символизируют в культуре как тоску и разлуку [20, с. 31], так и светлые надежды [21]. Особое внимание уделяется в тюркском мировоззрении их

человеческой природе, на основании чего сложилась практика полной или частичной их табуации, запрета на их убийство, невозможность их существования друг без друга. Данные образы находят свое отражение в произведениях многих татарских авторов, к частности, Р. Файзуллина, И.Г. Юзеева, Р. Миннуллина, Н. Исанбета и других. В рассказе Ф. Яхина «Печаль лебедя» символика большой, чистой любви, значение разлуки выразилось в обращении к Богу: «О Боже, зачем же ты дал мне судьбу белых лебедей? Зачем же сотворил меня одинокой?!» [20, с. 30]. Логично, что в культуре существует запрет на убийство лебедей, которые считались священными птицами, райскими птицами, птицами печали, способными предать проклятию. Тюрки верили в неминуемую кару за нарушение данного табу, иногда даже уточнялось, что если человек убьет самку, то в доме убийцы умрет женщина, если самца – то умрет мужчина. По некоторым сведениям, убийство лебедя может привести к гибели всего рода.

Табуированность образов лебедей подкрепляется так же запретами употреблять в пищу мясо лебедя [22, с. 157, 386], убивать его и возможном наказании за это. В рассказе Ф. Яхина «Печаль лебедя» один из героев говорит: «Ни за что не брошу камнем [...] в птицу. Рука отсохнет...» [20, с. 30]. Подобного рода запреты обнаруживаются и в поверьях и обычаях различных народов [23, с. 164]: чувашей [24, с. 28; 25, с. 152]; тарских татар (Омская область) [26, с. 37]; алтайцев [18, с. 113; 27, с. 32]; шорцев, хакасов, тувинцев, тофаларов, нанайцев, калмыков [28], манси [29, с. 79; 30, с. 98], якутов [31, с. 20–21]; бурятов [32, с. 35], которые считали лебедя своим предком, убийство лебедя представлялось великим святотатством, по некоторым сведениям, они боялись брать в руки даже лебединое перо [33, с. 148], и других народов [34, с. 277].

Образы Сова и Филина, часто предстающие в мифологии и фольклоре царями лесных птиц, символом мудрости, занимают особое место в поэзии Р. Кутуя. Известна связь образа совы с мудростью, тайны, ночной жизни. Один из разделов книги «Лист земли» назван «Глаза совы», в стихах этого раздела автор ставит вопросы о первоосновах жизни, творчества, ценностях. Символично, что «глаза совы» (в сильной позиции) помогли лирическому герою раскрыть для себя многие явления жизни, обрести себя.

В рассказе Р. Зайдуллы Сова встречается главному герою на кладбище [35, с. 99], в повести «Меч Тенгри» сова – птица, символизирующая мудрость, а выражающие свою любовь тюрки называли юношу, сына Атиллы, «совенком», то есть мудрым» [6, с. 118].

С Совой ассоциируется героиня рассказа Р. Зайдуллы «Сова под дождем» (2004) Гуля: так ее называет герой произведения, влюбленный в нее муж Наи, Айдар. «Это твоя сова – дьявол. Она несчастье нам принесет», – предрекает свою судьбу герой, позже «контур тела убитого, начертанный белым мелом... напоминал странную птицу, изготовившуюся взлететь», а в финале рассказа на месте убийства «перед домиком были рассыпаны перья какой-то птицы», и «рана в области темени... Словно кто-то его клюнул... Странно» [6, с. 161–162]. Позже пришедшая на могилу Гуля похожа на взъерошенную птицу с опущенными крыльями, а на могиле, «касаясь серыми крыльями кладбищенских ив, тяжело поднималась в небо безобразная сова» [6, с. 164].

Мифологический образ Соловья, традиционный в татарском фольклоре (в сказках «Хитрый вор» (пер. А. Садековой), «Пригожая Хадича» (пер. А. Бадюгиной), «Находчивый Шомбай» (пер. Э. Вагапова) [4, с. 137, 212, 303]), приобретает различные значения: *памяти, красоты, детства* (стихотворение Р. Валиева

«Спой, соловушка, мне» (пер. Е. Муравьева) [9, с. 193]); *счастья* (ст. Р. Хариса «Будем людьми» (пер. Н. Переяслова) [9, с. 559]); *свободы* (стихотворение Л. Зулъкарнаева [9, с. 559]) и др.

Образы птиц в повести М. Магдиева «Где живут журавли» подчеркивают гармонию человека и природы, автор обращается к народным песням с традиционными образами: соловьев; в главе «Где живут лисы» очеловечивает встретившуюся в лесу на старом дубе сову («...его лицо показалось мне человеческим. На нашей улице у многих стариков такое лицо...» [36, с. 224]); образ *жаворонка* выступает символом находчивости и осторожности, бдительности и чистоты; мифологический образ *журавлей* в повести олицетворяет родную землю и символизирует верность традициям и обычаям («На месте под названием Журавлиная река весной всегда останавливаются журавли и выпускают птенцов» [36, с. 14]). Данный образ находит свое отражение и в произведении Н. Гиматдиновой «Проклятие белого журавля», где обретает значение эталона красоты и чистоты.

С образами Чаек сравнивает героев своей повести «Чайки» Ш. Камал: люди в повести подобны *чайкам*, ищут счастье на берегу, но, в отличие от птиц, не могут летать, и поэтому могут быть более несчастны. В произведении Ф. Байрамовой «Чайки бескрылые», притчевость текста которого восходит к Священному Писанию (Д. Ф. Загидуллина), изображаются истории о канолах бытия, представлены неизвестные модели авторского мифа о мире, заменяющие существующие представления о жизни, согласно которым возникновение человечества связывается с пришельцами, а о главной героине говорится, что она – представитель «небесных» людей, несущих в себе частичку неба. Она пришла на землю только лишь для того, чтобы «найти свою пару и, превратившись в чайку, взлететь на небеса» [17,

с. 179]. История возникновения жизни на земле, разность человеческого общества объясняется в повести тем, что изначально небесные и земные люди вели разный образ жизни, но со временем забыли о своем происхождении, и началось сближение материального, ассоциирующегося с землей, и духовного, небесного.

Образ Кукушки, имеющий тотемную основу, соединяет в себе мир света и тьмы, она способна оживить героя [37, с. 85]; «вещать о сроках жизни» [19, с. 102], вызывать страх, а в некоторых случаях приносит и доброе знамение [38, с. 68], в мифологических верованиях кукушка имеет человеческое происхождение, большинство исследователей акцентируют мотивы антропоморфизма, превращения человека в кукушку (например, перевоплощения девушки в кукушку и ее поиск возлюбленного [39, с. 123; 40, с. 21–24]), что устойчиво сохранилось в сознании народа до сегодняшних дней в запретах. В татарской культуре и фольклоре («Когда кукушка закукует» (пер. Ф. Ситдиковой) [4, с. 309]) образ кукушки «связан с одиночеством, бездомностью, бесплодностью» [41, с. 36], с образом бросившей своего ребенка женщины, предвестника беды, смерти. Так, в произведении А. Еники «Красота» автор так характеризует ее пение: «не могли заглушить даже звонкие трели жаворонков. Странная, невидимая птица! Она будто создана природой, чтобы напоминать людям о чем-то важном. Грустный, предостерегающий голос ее, долетавший из далекого леса, мы слушали за таив дыхание» (перевод А. Бадюгиной) [8, с. 152].

Образ Журавля, находящий отражение в татарском фольклоре («Бедняк Билал» (пер. С. Гильмутдиновой), «Вор и жулик» (пер. Э. Нигматуллиной), «Нужда» (пер. Ф. Урманчеева), «Мулла в западне» (пер. А. Бадюгиной)) [4, с. 119, 154, 350, 384], в повести Н. Гиматдиновой

«Проклятие белого журавля» выступает символом чистоты, красоты, верности, любви, может являться знаком иного мира, прошлой жизни, идеала. В повести, сюжетной основой которой становится легенда о том, что смерть одного из пары белых журавлей приносит несчастья и смерть людям, причастным к убийству, жестокое убийство одного из белых журавлей разрушает любовную связь Арслана и Сары, которая таинственным образом исчезает после этого. Этот конфликт помогает автору в гиперболизированном виде показать проблемы татарской деревни 1980–1990 гг.: равнодушие к бедам других, алкоголизм [17, с. 241], алчность, корыстолюбие, потерю нравственных ориентиров. В финале повести обрушившийся на село ураган, интерпретирующийся как миф о конце света и отсылающий читателя к мусульманскому мифу о наказании Всевышнего, становится структурообразующим, несущим в себе основной смысл и идею современного текста.

Таким образом, мифологический образ Птицы в общем и изображение различных видов птиц, занимающих особое место в мифологии тюркских народов и татарской культуре, широко представлены в произведениях татарской литературы XX–XXI в. Птицы приобретают различную символику: образ Утки традиционно связан с идеей сотворения мира; жаворонок имеет значение спокойствия, взаимосвязи с многовековым прошлым народа; Сова традиционно является символом мудрости, журавль – чистоты и родной земли и др. Современные авторы, адресуясь к этим мифологизированным образам, не только продолжают традиции обращения в творчестве к мифологии народа, но и поднимают и актуализируют в произведениях острые проблемы современности. В современной литературе образы Птиц – концептуально значимые образы, приобретающие ввиду своей фундаментальности характер мифологем, впитавших вековую историю и философию народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мухамадиев Р. С.* Взлететь бы мне птицей...: роман. / пер. с татар. Р. Фаткуллиной. М.: Голос-Пресс, 2008.
2. *Шаряфетдинов Р. Х.* Мифологический образ птицы как отражение культуры татарского народа в современной литературе // Наука и школа. 2021. № 5. С. 11–19.
3. *Миннуллин К. М., Закирова И. Г.* Праздник «Карга туе» («Грачиный праздник») в фольклоре татарского народа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75), Ч. 2. С. 44–47.
4. Татарское народное творчество: в 15 т. Т. 3. Бытовые сказки. Казань: Магариф, 2009.
5. *Идиатуллин Ш.* Убыр: Дилогия: романы. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2018.
6. Полуденный закат: Современная проза татарских писателей / пер. с татар. Г. Хасановой. Казань: Татар. книж. изд-во, 2006.
7. *Закирова И. Г.* Космогонические мифы и легенды татарского народа // Вестник ЧГУ. 2010. № 4. С. 249–255.
8. Татарская литература без границ / [сост.: А. Мушинский, Л. Шаех]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2017.
9. Татарская поэзия / [сост.: Л. Р. Газизова и др.]. М.: МАГИ Из века в век, 2012. (Из века в век. Поэзия народов кириллической азбуки).
10. *Вәлиев Р.* Сүзләрдән дисбә: шигырьләр, жырлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005.
11. Татар халык иҗаты (ТХИ): Әкиятләр. 3 томда / томнары төзүчеләр, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә эзерләүчеләр Х. Х. Ярми. Казан: Таткитнәшр., 1977–1978. Т. 1.

12. *Давлетшин Г. М.* Волжская Булгария: духовная культура. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990.
13. *Шахнович М. И.* Первобытная мифология и философия. Л.: Наука, 1971.
14. Коллекция древних рукописей // Научный архив Института Языка, литературы и искусства (ИЯЛИ) Академии наук Татарстана. Дело 2644.
15. *Бакиров М.* Татарский фольклор. Казань: Ихлас, 2012.
16. *Загидуллина Д. Ф.* Татарская поэзия и проза рубежа XX–XXI веков: эстетические ориентиры и художественные поиски: моногр. Казань: Татар. кн. изд-во, 2019.
17. Проза татарских писателей. С востока свет: повесть, рассказы, эссе / пер. с татар. Г. Хасановой. Казань: Татар. кн. изд-во, 2019.
18. *Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
19. *Хисаметдинова Ф. Г.* Словарь башкирской мифологии. Уфа: Китап, 2019.
20. *Яхин Ф.* Сайланма эсэрләр. Проза. Беренче том. Казан: Моя электронная книга, 2006.
21. Аккош. Мифология. URL: [http://tt.wikipedia.org/wiki/Аккош_\(мифология\)](http://tt.wikipedia.org/wiki/Аккош_(мифология)) (дата обращения: 25.04.2014).
22. Башкирский народный эпос. 1977.
23. *Тульцева Л. А.* Символика воробья в обрядах и обрядовом фольклоре (в связи с вопросом о культе птиц в аграрном календаре) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 163–179.
24. *Денисов П. В.* Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959.
25. *Родионов В. Г.* К образу лебедя в жанрах чувашского фольклора // Чувашский фольклор. Специфика жанров: сб. ст. Чебоксары, 1982. С. 150–170.
26. *Фаткуллина Ф. М.* Орнаментированные изделия из дерева тарских татар (предметы быта) // Культурное наследие народов Сибири и Севера: материалы Пярых Сибирских чтений. Санкт-Петербург, 17–19 октября 2001 г. СПб., 2004. Ч. 2. С. 33–39.
27. *Ойношев В. П.* Функции птиц в алтайском героическом эпосе // Алтай и тюрко-монгольский мир. Тезисы и статьи. Горно-Алтайск, 1995.
28. *Хонинов В. Н.* Калмыцкие топонимы, отражающие физико-географические особенности объекта // Урал–Алтай: через века в будущее: материалы Всерос. науч. конф. Уфа, 1–5 июня 2005 г. Уфа, 2005. С. 149–150.
29. *Салагаев А. М.* Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991.
30. *Прокофьева Е. Д.* К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 18. Сибирский этнографический сборник. М.–Л., 1952. Вып. 1. С. 88–107.
31. *Потапов Л. П.* Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (обычай дарения убитого лебедя у хакасов) // Советская этнография. 1959. № 2. С. 18–30.
32. *Галданова Г. Р.* Доисламские верования бурят. Новосибирск, 1987.
33. *Токарев С. А.* Буряты // Религиозные верования народов СССР. М. – Л., 1931. Т. 1. С. 122–159.
34. *Котов В. Г.* Башкирский эпос «Урал-Батыр». Историко-мифологические основы. Уфа, 2006.
35. *Зайдулла Р. Р.* Меч Тенгри: рассказы, повести, эссе, заметки / [пер. с татар.; авт. предисл. А. Мушинский]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016.
36. *Мәндиев М.* Торналар төшкән жирдә. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983.
37. *Галлямов С. А.* Башкордская философия. Эстетика. IV т. М., 2001.
38. История и культура нанайцев: историко-этнографические очерки. СПб., 2003.
39. *Салихов Г. Г., Галимов Б. С.* Мифы в картине мира башкир. Уфа: Китап, 2018.
40. *Надршина Ф. А.* Исторические корни башкирских преданий и легенд // Башкирский фольклор: исследования последних лет. Уфа, 1986. С. 21–24.
41. *Файзуллина Г. Ч.* Номинации человека с компонентом-зоонимом (на материале татарских говоров юга тюменской области) // Tatarica: Language. 2017. № 1 (8). С. 22–41.

REFERENCES

1. Mukhamadiev R. S. *Vzletet by mne ptitsej...: roman*. Transl. from Tatar by R. Fatkullina. Moscow: Golos-Press, 2008. (In Russian)
2. Sharyafetdinov R. Kh. Mifologicheskiy obraz ptitsy kak otrazhenie kultury tatarskogo naroda v sovremennoy literature. *Nauka i shkola*. 2021, No. 5, pp. 11–19.
3. Minnullin K. M., Zakirova I. G. Prazdnik “Karga tue” (“Grachinyy prazdnik”) v folklore tatarskogo naroda. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017, No. 9 (75), Part 2, pp. 44–47.
4. Tatarskoe narodnoe tvorchestvo. In 15 vols. Vol. 3. Bytovye skazki. Kazan: Magarif, 2009.
5. Idiatullin Sh. *Ubyr: Dilogiya: romany*. St. Petersburg: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2018.
6. Poludenny zakat: Sovremennaya proza tatarskikh pisateley. Transl. from Tatar by G. Khasanova. Kazan: Tatar. knizh. izd-vo, 2006. (In Russian)
7. Zakirova I. G. Kosmogonicheskie mify i legendy tatarskogo naroda. *Vestnik ChGU*. 2010, No. 4, pp. 249–255.
8. Tatarskaya literatura bez granits. [Comp.: A. Mushinskiy, L. Shaekh]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2017.
9. Tatarskaya poeziya. [Comp.: L. R. Gazizova et al.]. Moscow: MAGI Iz veka v vek, 2012. (Iz veka v vek. Poeziya narodov kirillicheskoj azbukii).
10. Vəliev R. *Syzlərdən disbə: shigyr'lar, jcyrlar*. Kazan: Tatar. kit. nəshr., 2005.
11. Tatar khalyk ıxatı (TKHI): Əkiyatlar. 3 tomda / tomnary təzyçelər, keresh məkalə həm iskərmələrne əzerləyçelər Kh. Kh. Yarmi. Kazan: Tatkitnəshr., 1977–1978. Vol. 1.
12. Davletshin G. M. *Volzhskaya Bulgariya: dukhovnaya kultura*. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 1990.
13. Shakhnovich M. I. *Pervobytnaya mifologiya i filosofiya*. Leningrad: Nauka, 1971.
14. Kolleksiya drevnikh rukopisey. In: Nauchnyy arkhiv Instituta Yazyka, literatury i iskusstva (IYaLI) Akademii nauk Tatarstana. Delo 2644.
15. Bakirov M. *Tatarskiy folklor*. Kazan: Ikhlas, 2012.
16. Zagidullina D. F. *Tatarskaya poeziya i proza rubezha XX–XXI vekov: esteticheskie orientiry i khudozhestvennyye poiski: monogr.* Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2019.
17. Proza tatarskikh pisateley. S vostoka svet: povest, rassказы, esse. Transl. from Tatar by G. Khasanova. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2019. (In Russian)
18. Alekseev N. A. *Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri*. Novosibirsk, 1980.
19. Khisametdinova F. G. *Slovar bashkirskoy mifologii*. Ufa: Kitap, 2019.
20. Yakhin F. *Saylanma əsərlər. Proza. Berenche tom*. Kazan: Moya elektronnyaya kniga, 2006.
21. Akkosh. Mifologiya. Available at: [http://tt.wikipedia.org/wiki/Akkosh_\(mifologiya\)](http://tt.wikipedia.org/wiki/Akkosh_(mifologiya)) (accessed: 25.04.2014).
22. Bashkirskiy narodnyy epos. 1977.
23. Tultseva L. A. Simvolika vorobyia v obryadakh i obryadovom folklore (v svyazi s voprosom o kul'te ptits v agrarnom kalendare). *Obryady i obryadovyy folklor*. Moscow, 1982. Pp. 163–179.
24. Denisov P. V. *Religioznye verovaniya chuvash*. Cheboksary, 1959.
25. Rodionov V. G. K obrazu lebedya v zhanrakh chuvashskogo folklore. In: *Chuvashskiy folklor. Spetsifika zhanrov*. Cheboksary, 1982. Pp. 150–170.
26. Fatkullina F. M. Ornamentirovannyye izdeliya iz dereva tarskikh tatar (predmety byta). In: Kulturnoe nasledie narodov Sibiri i Severa. *Proceedings of 5th Siberian readings*. St. Petersburg, 17–19 Oct. 2001. St. Petersburg, 2004. Part 2. Pp. 33–39.
27. Oynoshev V. P. Funktsii ptits v altayskom geroycheskom epose. In: *Altay i tyurko-mongolskiy mir*. Gorno-Altaysk, 1995.
28. Khoninov V. N. Kalmykskie toponimy, otrazhayushchie fiziko-geograficheskie osobennosti obyektov. In: *Ural–Altay: cherez veka v budushchee. Proceedings of All-Russian scientific conference*. Ufa, 1–5. June 2005. Ufa, 2005. Pp. 149–150.
29. Salagaev A. M. *Uralo-altayskaya mifologiya. Simvol i arkhetyip*. Novosibirsk, 1991.

30. Prokofyeva E. D. K voprosu o sotsialnoy organizatsii selkupov (rod i fratriya). In: Trudy Instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya. Vol. 18. Sibirskiy etnograficheskiy sbornik. Moscow–Leningrad, 1952. Iss. 1. pp. 88–107.
31. Potapov L. P. Iz istorii rannikh form semyi i religioznykh predstavleniy (obyчай dareniya ubitogo lebedya u khakasov). *Sovetskaya etnografiya*. 1959, No. 2, pp. 18–30.
32. Galdanova G. R. *Doislamskie verovaniya buryat*. Novosibirsk, 1987.
33. Tokarev S. A. Buryaty. In: *Religioznye verovaniya narodov SSSR*. Moscow – Leningrad, 1931. Vol. 1, pp. 122–159.
34. Kotov V. G. *Bashkirskiy epos “Ural-Batyr”*. *Istoriko-mifologicheskie osnovy*. Ufa, 2006.
35. Zaydulla R. R. *Mech Tengri: rasskazy, povesti, esse, zametki*. [Transl. from Tatar]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2016. (In Russian)
36. Məhdiəv M. *Tornalar təshkən jəirdə*. Kazan: Tatar. kit. nəshr., 1983.
37. Gallyamov S. A. *Bashkordskaya filosofiya. Estetika. IV vol.* Moscow, 2001.
38. *Istoriya i kultura nanaytsev: istoriko-etnograficheskie ocherki*. St. Petersburg, 2003.
39. Salikhov G. G., Galimov B. S. *Mify v kartine mira bashkir*. Ufa: Kitap, 2018.
40. Nadrshina F. A. Istoricheskie korni bashkirskikh predaniy i legend. In: *Bashkirskiy folklor: issledovaniya poslednikh let*. Ufa, 1986. Pp. 21–24.
41. Fayzullina G. Ch. Nominatsii cheloveka s komponentom-zoonimom (na materiale tatarskikh govorov yuga tyumenskoj oblasti). *Tatarica: Language*. 2017, No. 1 (8), pp. 22–41.

Шаряфетдинов Рамиль Хайдарович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

Sharyafetdinov Ramil Kh., PhD in Philology, Associate Professor, Assistant Professor, Russian Literature of the XX–XXI centuries Department, Moscow Pedagogical State University

e-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 26.06.2021

The article was received on 26.06.2021